

Посвящается Заку

Пролог

Пригород Афин, Греция

С террасы своей элегантно, с ослепительно белыми стенами виллы бывший президент Димитрий Манцарис смотрел на простиравшиеся за берегом курортного городка Вулиагмени чистые синие воды Средиземного моря. Теперь он постарел и растолстел, поскольку не отказывал себе в сыре, вине и пахлаве — сладком сдобном кушанье, которое всегда обожал, но которого в молодые годы, когда неумный аппетит постоянно сражался с тщеславием и самолюбием, старался избегать. В его восемьдесят лет война закончилась. Последние остатки былой привлекательности давным-давно исчезли вместе с политической карьерой. Все порывы и желания, что некогда двигали им, выделяя его среди остальных: неприкрытая жажда власти, ненасытное либидо и вошедшая в легенду алчность, — обратились в прах, словно стены Парфенона. Для Димитрия Манцариса еда оставалась последней телесной радостью, которой он каждый день предавался от души.

И вот сегодня впервые за многие десятки лет у Димитрия Манцариса пропал аппетит.

Этим утром Ставрос Александрис, бывший министр внутренних дел в его правительстве и близкий друг, приехал к нему и показал фотографию на третьей странице «Авги», самой популярной газеты в Греции.

— Я глазам своим не поверил, когда это увидел. — Руки у Ставроса Александриса заметно тряслись. Ше-

стидесятилетний живчик, гибкий и поджарый в противоположность своему безобразно растолстевшему бывшему шефу, Александрис пользовался репутацией безжалостного жестокого функционера, обладателя железной выдержки, но в этот момент все его спокойствие улетучилось. — Ты же не думаешь?..

— Что она жива? — закончил за него Манцарис. «Боже, как же я на это надеюсь».

Афина Петридис. Его заклятый враг. Его сообщница. Его муза. Его ангел. Предавший его. Вот только Афина никогда не была «его». Афина Петридис никогда никому не принадлежала, даже своему мужу, воплощению злодейства Спиросу Петридису. Как и ее бессмертная тезка с горы Олимп, Афина время от времени соблаговольяла вмешиваться в дела мужские, но лишь тогда, когда это доставляло ей удовольствие, и только для достижения своих целей.

Во время их романа Димитрий Манцарис был президентом и самым могущественным человеком в Греции, и все же ни одного дня, ни одной минуты не играл главенствующей роли в их отношениях. Афина Петридис владела им, как другие, не столь известные женщины могут владеть собачками, и до сих пор не отпускала его, пусть даже и она, и ее муж ушли в мир иной двенадцать лет назад.

Манцарис снова взглянул на фото, являвшее собой трагичную, но, к сожалению, ставшую уже привычной картину: тело утонувшего ребенка, на этот раз мальчика, прибывшего к берегу острова Лесбос. Каждый день наблюдая перегруженные до последней степени катера и лодки, отходившие от берегов Ливии, греки становились все равнодушнее к неумолимо увеличивавшемуся количеству погибших среди мигрантов. Во многих местах действительность воспринималась уже со злобой и возмущением, а не просто с равнодушием. «Почему эти

люди всё едут и едут? Зачем подвергают своих детей такому жуткому риску? Разве они не знают, что Греция едва может прокормить своих граждан, не говоря уже о том, чтобы распахнуть двери перед тысячами иностранцев?»

Димитрий Манцарис не разделял подобных взглядов. Фотографии по-прежнему вызывали у него жалость. Он не был, вопреки уверенности многих, бессердечным, и все же вовсе не утонувший мальчик пробудил в нем бурю эмоций. Причиной волнения стала метка, вытатуированная на пятке ребенка, словно клеймо раба: древнегреческая буква «лямбда». Ученые видели в ней знак, украшавший щиты спартанских воинов в честь их родины — Лаконии, но для Димитрия Манцариса, как и для многих мировых лидеров своего времени, этот знак означал совсем иное: это была личная метка Спироса Петридиса, неграмотного крестьянина из Лагониссии, а также мужа Афины и самого популярного лидера преступного мира со времен Карло Гамбино.

— Это наверняка газетная «утка», — нервно пробормотал Ставрос Александрис.

Димитрий Манцарис кивнул.

— Или совпадение.

— Да.

— Не может быть, что это она.

— Нет.

— Она погибла. Они оба погибли.

— Вот именно.

— Даже в этом случае, думаю, нам с Дафной нужно ненадолго уехать. За границу. Возможно... в Чили? Пока все не уляжется. У нас там друзья...

Александрис уехал, а Димитрий Манцарис доковылял до террасы и опустился в любимое кресло. Он знал, что Ставроса никогда больше не увидит. Метка на пятке ребенка никакая не случайность: они оба это понимали, — а весть, причем послать ее осмелился один-единственный человек.

Закрыв глаза, Димитрий Манцарис позволил себе окунуться в воспоминания. Гладкая кожа Афины, терпкий запах, грудной смех. С гнетущей тоской он вспомнил доводившее его до сладостного безумства ее божественное тело, сотворенное для секса, так же как «феррари» создана для скорости.

— Афина...

Слово замерло у него на губах.

У Манцариса тоже были друзья, а также должники, которые могли бы помочь ему исчезнуть, пока еще не поздно, но он слишком стар, чтобы пускаться в бега.

Нет, будь что будет: он не тронется с места и дождется, когда Афина придет за ним.

Это же счастье — увидеть ее лицо, пусть даже на мгновение, прежде чем она всадит ему пулю в голову.

Осака, Япония

Профессор-литературовед Норико Адачи увидела фотографию лишь два дня спустя. Татуировка на пятке утонувшего ребенка заполняла монитор ее офисного компьютера словно раковая опухоль на рентгеновском снимке. Ужасно, отвратительно, и тем не менее невозможно отвести глаз.

Не успели находившиеся на берегу работники благотворительных организаций заметить необычную татуировку в виде лямбды, как Интернет засыпали версии, что бы она значила. Одна-две, по мнению профессора Адачи, имели право на существование, и то скорее в силу удачи, нежели как результат здравых суждений. И никто еще даже не намекнул на фамилию Петридис.

А все потому, что люди по-прежнему ничего не знают, с горечью подумала профессор Адачи. А те, кто знает, боятся открыть рот.

Она с нежностью взяла стоявшую на почетном месте фотографию в позолоченной рамке и провела пальцем

по стеклу. На фото ее единственный сын Кико в футболке с логотипом Калифорнийского университета стоял у входа в общежитие и гордо улыбался в объектив. У него над головой синело, словно на киноэкране, бескрайнее калифорнийское небо. Это фото было сделано накануне его пятнадцатилетия. Какой же дивный тогда был день, полный надежд и ожиданий!..

А через год Кико Адачи умер. Прилежный студент-отличник, великолепный спортсмен, в котором родители души не чаяли, скончался от передозировки нового, убивавшего наповал сорта кокаина, определяемого по букве Л на пакетиках, который специально доставлялся в университетские городки США и распространялся там Спиросом Петридисом.

Через год после этого события супруги Адачи развелись — Изуми, муж Норико и отец Кико, не смог выдержать одержимости супруги Петридисом и его эффектной женой Афиной, к тому времени уже спецпосланника ООН и знаменитой на весь мир благотворительницы, обаяние и красота которой настолько поразили сильных мира сего, что ее муж управлял их огромной империей практически без оглядки на законы.

Изуми не преувеличивал: Норико действительно охватила одержимость. Она писала бесчисленные статьи о криминальной деятельности четы Петридис, которые никто не решался опубликовать, даже сочинила роман о смерти сына с минимально измененными именами и описаниями персонажей, но его тоже никто не захотел напечатать, несмотря на известность автора в научном мире. После двух с половиной лет бесплодных усилий в жизни профессора Норико Адачи настал самый счастливый день, когда она проснулась и в «Новостях» услышала, что вертолет Спироса Петридиса рухнул в отдаленном районе штата Юта: вместе с женой он погиб в раскаленном добела пламени. От Спироса Петридиса осталось всего несколько обугленных костей, которых оказалось достаточно для

проведения ДНК-экспертизы. Что же до Афины — леди Макбет, — она сгорела без остатка, дотла, в прах.

За минувшие двенадцать лет Норико Адачи вернулась в университет Осаки, восстановила свою карьеру и то, что осталось от жизни. Спирос и Афина отняли у нее семью, но она по-прежнему находила утешение в книгах, в рассказах о трагедиях, утратах и возрождении, составлявших ее духовный мир еще со студенческих времен.

До нынешнего дня.

Она вновь взглянула на экран: одно фото, один знак — и буря воспоминаний.

Еще один погибший мальчик, чей-то сын.

В той катастрофе никто бы не смог уцелеть, твердила себе Норико, призывая разум возобладать над эмоциями. В таком пламени невозможно выжить.

Но что, если Афина Петридис вовсе не человек? Вероятно, она и впрямь чудовище, дьявол, злой дух вроде японского Кама-итати, мифической ласки с острыми как бритва когтями, отрезавшими ножки у детей. Может, она ведьма?..

Профессор Норико Адачи сидела за столом, дав волю ненависти, словно яд хлынувшей по ее жилам.

«Если Афина Петридис все-таки жива, я убью ее...»

Лос-Анджелес, штат Калифорния

Ларри Гестер прижался к обочине на Малхолланд-драйв. Его серебристый «бугатти-вейрон» ослепительно сверкал на солнце. На пассажирском сиденье лежал айпад Ларри с меченой пяткой ребенка во весь экран.

Стало трудно дышать. Протянув руку, легендарный голливудский продюсер открыл бардачок, вытащил пузырек с антидепрессантом, сунул в рот три таблетки и с мрачной обреченностью раскрошил их зубами с фарфоровыми коронками.

Глубоко тщеславный человек, Ларри Гестер благодаря самым одаренным в Лос-Анджелесе пластическим хирургам, подпитывавшим свои таланты безграничными финансовыми возможностями пациентов, выглядел намного моложе своих шестидесяти пяти лет: с гладкой кожей, ясными карими глазами и едва тронутыми сединной роскошными каштановыми волосами. В отличие от большинства голливудских знаменитостей Ларри Гестер не довольствовался тем, что молоденькие актрисы выстраивались в очередь к нему в постель лишь оттого, что он был богат и влиятелен: ему хотелось, чтобы его еще и желали, физически жаждали. Теперь, несмотря на все усилия, достигать этого становилось все труднее. Кто-то мог отнести это за счет его возраста, но Ларри Гестеру была известна истина: причина в ней, в Афине, Афине Петридис.

Если бы она не попала к нему на глаза!

Тогда, в свои сорок семь лет, Ларри Гестер стал одним из самых востребованных людей в Голливуде, когда согласился выступить продюсером биографического фильма о жизни знаменитой греческой красавицы. Афина приняла его приглашение пообедать и приехала в отель «Бeverли-Хиллз» в белом воздушном платье, похожая на ангела. Это стало для Ларри началом конца. Он моментально влюбился в нее, и хотя они ни разу не переспали, ни разу даже не поцеловались, одержимость женой Спироса Петридиса сделалась для Ларри движущей силой всей его жизни.

Афина, красавица, само совершенство, была жертвой, оказавшейся в цепях страшного брака с чудовищем. Именно об этом Ларри Гестер и рассказал в своем фильме, страстно желая спасти Афину, оставить в Америке, построить ей дворец в Голливуд-Хиллз, где она могла бы жить под его защитой, навеки благодарная Ларри за доблесть и благородство, словно королева Гвинерва — сэру Ланселоту.

Но судьба распорядилась иначе. На следующий день после завершения работы над фильмом Ларри Гестера среди бела дня похитили у дверей его офиса на бульваре Сансет. Никто не знал, что произошло за неделю, пока продюсер пропадал неизвестно где, и никогда не узнает. Ларри ничего не сказал ни полиции, ни семье — никому. Он просто однажды утром появился у ворот своего поместья в Беверли-Хиллз в состоянии шока. Безымянный палец левой руки был сильно поврежден, а на пятке правой ноги красовалась выжженная буква Л.

Всем, кто потом замечал эту метку и спрашивал, что она значит, он говорил: «Ларри».

Фильм так и не вышел на экраны, а Ларри Гестер никогда больше не видел Афины Петридис.

После катастрофы с вертолетом Ларри мало-помалу вернулся к своей карьере, вновь набирая обороты с того места, где рухнул. За прошедшие десять лет он выпустил четыре фильма-суперхита и дважды женился. Жизнь шла прекрасно. До сегодняшнего дня.

Опустив оконное стекло, он взял айпад и вышвырнул из машины за край обрыва, ухотившего склонами в раскинувшуюся внизу долину, и вдруг разрыдался, словно маленький ребенок.

Лондон, Англия

Петер Хембрехт закрыл глаза и погрузился в музыку. Дирижерская палочка рассекала воздух с грациозностью и плавностью, что и выделяло его из самых великих дирижеров мира. Хембрехт, бесспорно, лучший из лучших, был Маэстро с большой буквы. Каждый музыкант, сидевший в тот вечер в лондонском «Альберт-холле», чувствовал, что ему выпала великая честь, поскольку быть вознесенным гением Петера Хембрехта, пусть даже на мгновение, означало играть в полную силу, сиять как звезда.

«Благодарю вас, Маэстро!»

«Великолепное исполнение, Маэстро!»

После концерта Петер, как обычно — охотно и любезно, — пожимал руки и раздавал автографы, затем надел теплое кашемировое пальто и отправился пешком домой, на Куинсгейт-стрит, что находилась в нескольких кварталах от концертного зала.

На следующее утро, в день публикации, он увидел фотографию. Старый друг прислал ее по электронной почте с припиской: «Решил, что тебе захочется это увидеть».

Это показалось Петеру очень странным. Кому в здравом уме захочется смотреть на фото утонувшего ребенка? Но, разумеется, друг имел в виду не ребенка, а лишь выжженное у него на теле клеймо, словно это животное или мясная туша. Петер содрогнулся, вообразив себе, какую боль, наверное, испытал бедный малыш.

Чуть позже позвонил его друг.

— Ты думаешь, Афина?..

— Нет.

— Но, Петер...

— Афина погибла.

Петер Хембрехт знал Афину Демитрис (тогда она носила эту фамилию) с самого детства и любил ее всю свою жизнь. Она была его лучшим другом, хранительницей тайн, заменяла сестру. В крохотной деревушке Органи, где они выросли, светловолосую синеглазую Афину обожали все. С другой стороны, темноволосый застенчивый, женоподобный Петер, единственный сын немца и гречанки, говоривший со странным акцентом и везде носивший с собой маленькую флейту, был изгоем и излюбленной жертвой местных озорников.

— Эй, немчур! — дразнили его. — Что ж юбочку не носишь, чтобы танцевать под свою голубую классическую муть? Хочешь, юбочку подарим? У моей сестренки можно позаимствовать.